

Сабанеев Леонид

1.07.04

«Дядя Шуба» и все-все-все

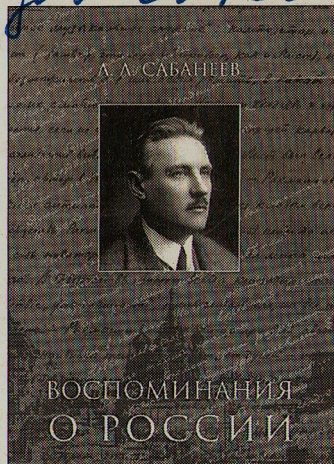
Серебряный век в воспоминаниях московского старожила

Наталья Осминская

Леонид Сабанеев.
Воспоминания о России.
— М.: Классика-XXI, 2004,
268 с.

Сегодня Леонид Сабанеев (1881–1968) известен прежде всего как автор апологетических воспоминаний о Скрябине. Хотя надо признать, что и современники считали Леонида Леонидовича непоколебимым поклонником именно этого композитора. Даже присказку такую сочинили: «Аллах Скрябин и Сабанеев – пророк его». Доля истины в этом бонмо, безусловно, имеется, однако, как и всякое красное словцо, оно страдает преувеличением: мономаньяком Сабанеев, профессиональный музыкант и музыкальный критик по призванию, никогда не был. Его мемуары свидетельствуют об этом как нельзя лучше.

Собственно говоря, законченных воспоминаний Сабанеев после себя не оставил. В его архиве сохранились лишь разрозненные черновики, запечатлевшие несколько вариантов зачина большой книги мемуаров, да отдельные статьи о русской культуре, написанные Сабанеевым в 30–50-е гг. для парижских и нью-йоркских эмигрантских изданий. Именно эти тексты и составили основу сборника «Воспоминания о России». Впрочем, не

смотря на вынужденную эклектичность, текст от этого, кажется, только выигрывает: повествование выходит не центрированным на одной фигуре (как в случае со Скрябиным или героем другой известной книги Сабанеева – Таневым), а прихотливо извилистым, фиксирующим все или почти все интеллектуальные и эстетические тропы, которыми в эпоху своей энергичной молодости хаживал рассказчик.

Действительно, трудно найти мемуариста, более осведомленного в закулисных лабиринтах Серебряного века, чем Сабанеев. Ему повеселилось родиться в семье Леонида Сабанеева – знаменитого путешественника и природоведа, издателя журнала «Природа и охота», которым считывались три русских импера-

тора (Александр II, Александр III и Николай II) и даже, страшно сказать, сам Ленин. Близкими знакомыми семейства Сабанеевых были философ Владимир Соловьев и композитор Александр Бородин. Первого маленький Леня называл «дядя Шуба» (тот приходил к ним в дом в огромной шубе), а другого не раз наблюдал в самых что ни на есть частных обстоятельствах, например, когда во время научных опытов с летательными аппаратами «шестеро очень массивных и громоздких мужчин гонялись за бумажными «птичками», словно школьники». Прочими именитыми знакомствами Сабанеев был обязан уже своей личной любознательности. У своего учителя Танеева он не раз встречал Петра Ильича Чайковского. Был вхож в дом Римского-Корсакова, да и вообще хорошо знал почти всех членов «Могучей кучки», кроме разве что Мусоргского, скончавшегося еще до его рождения. Кстати говоря, уже в более взрослом возрасте именно гений Мусоргского Сабанеев ставил выше всех композиторских дарований России, несмотря на то что на его памяти «Мусоргский был не только не вещим и не мифическим, но был просто предметом насмешек и отношения скорее иронического и недоуменного».

Нет нужды поименно перечислять всех, кого знал Сабанеев и с кем его связывали дружеские

узы. В список пришлось бы включить почти всех действующих лиц Серебряного века: и героев первого плана, от Брюсова и Вячеслава Иванова до Артура Рубинштейна и Игоря Стравинского, и второстепенных, от дирижера детского оркестра Анатолия Эзарского до пианиста Николая Зверева, учителя Рахманинова и Скрябина. Ценность сабанеевских воспоминаний заключается не только в непомерной широте круга его друзей и знакомств. Скорее их обаяние происходит от другого и притом весьма редкого свойства – сочетания житейской осведомленности в обстоятельствах личной жизни «великих мира сего» и трезвой эстетической оценки их творческих достижений, которые для Сабанеева всегда составляли ядро личности. Недаром его «Воспоминания» завершаются размышлениями о законе «золотого сечения» в природе, искусстве и жизни человека: исходя из теории золотой пропорции, согласно которой и кульминация произведения, и пик творческих достижений должны приходиться на 0,618 длины отрезка, Сабанеев даже заранее рассчитал примерные даты кончин Глазунова и Рахманинова. Эти даты совпали вплоть до года. Как и для других отпрысков Серебряного века, жизнь для Сабанеева всегда была эквивалентна произведению искусства. ■

независимая эссе - 1 июля (1024). - с. 75